

УДК 81'25

АНАЛИТИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ В РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ И В ПЕРЕВОДЕ

© Николай Иванов

INTERPRETATIONAL ANALYTICS IN SPEECH COMMUNICATION AND IN TRANSLATION

Nikolay Ivanov

The article presents an intensional analysis of the interpretation unrolling within the sign in speech under communicative or translational circumstances. The interpretation is seen as a necessary part of the process of understanding. It is originated by the opposition between semantics and sense within the sign and constitutes a transition from one aspect of the sign to another – from the interpretee to the interpreter. Truthful verification of one aspect of the sign through another grows in this transition. Under common communicative circumstances the interpretation goes as a transition from semantics to sense in sign where semantics is interpreted by sense. Sense uncovers itself contextually, in the contextual development of the sign from one proposition to another. In translation, the interpretation goes in the opposite direction: from sense to semantics where sense is meant as an invariable and reference as a variable element. The translator changes the semantics, changes the set and order of objective designations in the sign to conserve sense. The article demonstrates an analysis of English-Russian translation examples. The subject matter may arouse the interest of specialists in semiotics and the theory of translation.

Keywords: interpretation, translation, sign in speech, reference, sense, truthful verification, intensional analysis.

В статье автором применяется методика интенционального анализа феномена интерпретации в речевом знаке в условиях обычной коммуникации и в переводе. Интерпретация рассматривается как необходимая часть и аспект процесса понимания. В своем подходе автор исходит из того, что интерпретация основана на оппозиции семантики и смысла в речевом знаке и раскрывается как переход от одного содержательного аспекта знака к другому – от интерпретируемого к интерпретирующему (от семантики к смыслу или от смысла к семантике). Между двумя аспектами устанавливается отношение истинностной адекватности. В условиях обычной коммуникации интерпретация представляет собой содержательный переход от семантики к смыслу: смысл интерпретирует значение. Смысл открывается через контекстное развитие знака в переходе от высказывания к высказыванию. В переводе процесс интерпретации развивается в противоположном направлении: от смысла к семантике. В переводе инвариантен смысл, вариативна референция. Переводчик меняет семантику и состав предметных обозначений, чтобы сохранить смысл. В статье приводится и анализируется ряд характерных переводческих примеров. Статья может быть интересна специалистам в области семиотики языка и перевода.

Ключевые слова: интерпретация, перевод, речевой знак, референция, смысл, истинностная верификация, интенциональный анализ.

Переводить нужно по смыслу. Это общее правило, давно ставшее аксиомой перевода, знают не только переводчики, которые практически руководствуются им в своей работе, но его с готовностью *a priori* признают и те, кто весьма отдаленно или лишь эпизодически по своей языковой работе связан с переводом. Смысловые основания перевода нельзя игнорировать, поскольку именно они являются решающим критерием межъязыкового тождества и, значит, истины в переводе. «Напомним, что именно смысловое

отождествление разноязычных текстов лежит в основе их коммуникативной равноценности» [Комиссаров, с. 51].

С другой стороны, надо сказать, что при всей своей доминантности смысловые основания перевода не всегда очевидны. В масштабе естественных межъязыковых совпадений (то есть там, где задача перевода вполне решается при помощи прямых лексико-семантических подстановок без существенных изменений грамматической структуры) переводчик не очень озабочен

поиском этих оснований. Смысловая функция перевода обостряется и выходит на первый план там, где возникает конфликт между семантикой и смыслом при переходе от исходного языка (ИЯ) к переходному языку (ПЯ). «„Прямое“ содержание высказывания как бы отступает на задний план: можно сказать, что здесь „говорится одно, а имеется в виду другое“ и именно это „другое“ и составляет то, ради чего создается высказывание – его главное намерение, его цель» [Там же, с. 61]. Переводчик оказывается перед дилеммой: следуя за семантикой, то есть повторяя представленный в исходном тексте порядок предметных обозначений, он рискует потерять или исказить смысл, и напротив, следуя смыслу, он вынужден менять семантику и состав предметных обозначений.

Требуется время, чтобы переводчик вполне осознал приоритетность смысла в переводе. Начиная переводчик не склонен доверять смыслу, но с большей легкостью и прямоотой следует за семантикой, видя в ней основание тождества в переводе. Опытный переводчик обращается непосредственно к смыслу, видя в нем единственный «путь спасения». Решая напрямую смысловую задачу, он в конечном счете добивается и приемлемого предметно-семантического тождества переводного текста (ПТ) и исходного текста (ИТ). Технология перевода такова, что достижение предметно-семантического тождества возможно в нем не иначе как через решение смысловой задачи. Следуя смыслу, переводчик одновременно решает две задачи: собственно смысловую и семантическую. Следуя одной лишь семантике, переводчик рискует потерять смысл. Первое (смысловое тождество) становится условием второго (предметно-семантического тождества), но не наоборот.

Идея противопоставления семантики и смысла, ставшая фундаментальным теоретическим постулатом логической семантики, впервые была высказана голландским логиком Г. Фреге в его знаменитой статье “Über Sinn and Bedeutung” (1892 г.)¹. Статья Г. Фреге произвела настоящий переворот в образе мыслей ученых-логиков своего времени, радикально изменила методологию логического анализа. На смену экстенциональной логике, основанной на исчислении понятийных объемов, пришла интенциональная логика, ориентированная на содержательную сторону выражений. Если первая не допускает какой-либо истинностной вариативности, основываясь на принципе контрадикторности (то есть на взаи-

моисключающем характере отношения противоречащих друг другу выражений), вторая предполагает истинностную вариативность, основываясь на принципе контрадикторности (частичном истинностном несовпадении соотносимых выражений, предполагающем их столь же частичную взаимную неистинность). Закон исключенного третьего теряет здесь свою силу.

Лингвистика не очень расположена к противопоставительному анализу семантики и смысла. Здесь преобладают положительные коннотативные трактовки смысла, которые можно назвать односторонними. В качестве первичного и устойчивого момента берется значение, а в качестве вторичного, зависимого и переменного – смысл. Смысл понимается как внешняя функция, как содержательное продолжение или расширение значения, как нечто приобретаемое или выявляемое в непосредственном речевом опыте. При этом смысл может закрепляться за знаком, то есть становиться его постоянным спутником, выразительной функцией в дискурсивном опыте.

Вместе с тем, в речевой феноменологии знака тот же смысл рассматривается как некоторый достигаемый значением предел содержательного развития. В таком понимании смысл получает функцию *бытия* (то есть мыслимой границы сущности). Смысл – часть и одновременно предел содержательного пространства значения. Л. Ельмслев, развивая такой подход, предложил термин «коннотативная семиотика». «Коннотативная семиотика» надстраивается на денотативной, в ней денотативное значение в условиях речевого узуса становится «знаком» своей коннотации. Денотативная (первичная) семиотика создается единством внешней формы знака и его языкового значения. Коннотативная (вторичная) семиотика создается единством языкового значения и коннотации [Ельмслев, с. 369]. Положительные коннотативные трактовки смысла в лингвистике в целом можно назвать асимметричными. Роль смысла – дальнейшая специализация значения в условиях речевого узуса.

Помимо микроуровневых, более подвижных и приближенных к речевой реальности знака, в лингвистике широко распространены макроуровневые трактовки смысла, где смысл рассматривается как самостоятельная величина, определяющая дискурсивную жизнь языка. Возникают *концептологические* теории языка, согласно которым язык в своем выразительном дискурсивном опыте реализует ту или иную макроуровневую смысловую установку, которая трактуется как некая константа смысловой жизни языка. На макроуровне уже не смысл рассматривается как продолжение языка, но язык в

¹ В английском и русском переводах, соответственно: “On Sense and Reference”, “О смысле и значении”.

целом или в той или иной своей части рассматривается как продолжение некоторого смыслового начала в себе. Выявление культурных смысловых констант стало важным направлением развития лингвокультурологии [Степанов].

В современной логической семантике существующие трактовки смысла могут быть названы отрицательными. В отличие от положительных экстенциональных это – интенциональные трактовки, характеризующие внутреннее отношение смысла и значения как взаимное: каждый из моментов может полагаться как первичный и неизменный, в то время как другой – как переменный. Эти трактовки более подходят для речевой реальности знака.

В статическом рассмотрении внутреннее содержательное отношение в речевом знаке изначально берется как симметричное. Это отношение трактуется в терминах взаимного *инобытия* моментов, их взаимного перевоплощения. Такое понимание является вполне семиотическим. Два момента содержательного отношения (смысл и значение) *дублируют* друг друга. Отношение семиотической субституции (которое изначально в языковом знаке порождается оппозицией внешней формы и значения) как бы переносится вовнутрь содержания знака в область отношения смысла и значения. Происходит удвоение семиотической реальности, основанной на внутренней переходности от момента к моменту: от значения к смыслу и / или от смысла к значению. Каждый из моментов представлен другим, то есть раскрывается как реальность через другой. Каждый из моментов понимается как функция другого и как ближайшее условие истинности другого.

Наиболее наглядно и схематично взаимное отношение смысла и значения в речевом знаке иллюстрирует когнитивный механизм метафоры, в котором исследователи обычно отмечают «разделенность функций референции и смысловой характеристики объекта» [Барбазюк, с. 3]. Метафора – несобственное, ложное наименование, которое замещает прямое собственное именование объекта в силу смысловой недостаточности последнего. Переносное значение несет смысловую нагрузку, которую оно «отдает» реальному объекту. Настоящее именуется через ненастоящее, напр.: *актерская палитра* (состав актеров театра), *старая калоша* (пожилой неловкий человек), *власть в пышной оправе культуры* (власть, пользующаяся поддержкой деятелей культуры). Прагматический экспрессивный эффект метафоры создается столкновением смыслового и референциального значений. Присутствие двух значений – реального и виртуального – обязательно

для метафоры: устранение одного из них уничтожает метафору как образ.

В обычных формах именовании мы не видим той схематической разделенности референциальной и смысловой функций, которую мы видим в метафоре. Тем не менее, и здесь мы говорим о семиотической природе этого отношения в речевом знаке. Значение в речевом знаке в контексте становится носителем *своего* смысла. Смысл необходимым образом соотносится со *своим* контекстным вербальным носителем. Возникает характерная прагматическая связка двух аспектов значения, которые актуализируют друг друга в контексте.

В динамическом рассмотрении связь смысла и предметного значения раскрывается как асимметричная. Каждый из моментов оказывается шире противоположного в своей ситуационной данности. Переходность от значения к смыслу или, наоборот, от смысла к значению выявляет относительность и недостаточность каждого из аспектов содержания речевого знака для другого.

Отметим, в феноменологическом понимании связь семантики и смысла в речевом знаке – это всегда случайность. Однако ту же самую связь в онтологическом понимании (то есть с точки зрения природы когнитивного процесса в акте семиозиса) следует признать необходимой. Эту необходимость мы видим в том, что, встречаясь в знаке, семантика и смысл *фактуализируют* друг друга. Каждый из моментов становится реальностью и открывает свое истинностное предназначение в речевом узусе лишь благодаря другому: всякое значение в речи подлежит осмыслению, смысл, опираясь на семантику знака, вербализуется. Ни один из моментов не может *явиться* в речевом узусе как таковой, не отягощенный противоположным, в котором он получает свою выразительную форму, выразительные очертания. Каждый из моментов получает в противоположном определенность, которую он не имеет в себе. Каждый из моментов – вершина понимания другого.

С другой стороны, случайность связи двух моментов в речевом знаке раскрывается через их преходящую *вариативность* друг для друга. Каждый из моментов в себе бесконечен и не исчерпывается конечностью другого. Так, данная смысловая реализация значения подразумевает возможность потенциально бесконечного числа других его смысловых реализаций. В свою очередь, смысл предполагает потенциально бесконечное число иных своих семантических воплощений. Асимметрия смысла и значения в речевом знаке носит двусторонний характер: значение по смыслу «полисемично» (то есть несет в

себе множество смыслов), смысл же предполагает широкую семантическую синонимию (то есть один и тот же смысл может быть выражен множеством различных значений). Каким бы ни был вектор содержательной детерминации – от значения к смыслу или от смысла к значению, – в нем присутствует потенциальная содержательная энтропия, бесконечная вариативность дальнейших содержательных определений, мыслимых как виртуальная альтернатива данному актуальному определению.

Современная логика трактует отношение значения и смысла не только как истинностное, но и как *интерпретационное*, что важно для лингвистического подхода и, в частности, для теории перевода. Семантика и смысл интерпретируют друг друга. Ученые-логики в интерпретационных концепциях семантики отмечают это обстоятельство, используя при этом вполне подходящий термин «перевод»: смысл «говорит» языком семантики, семантика «говорит» языком смысла². Одно понимается через другое, одно «переводится» на «язык» другого. Термин «перевод» в данном контексте не следует понимать буквально. Это не какая-то внешняя произвольная операция, случайная встреча двух конкурирующих способов выражения. Это необходимый и единственно возможный способ внешней репрезентации каждого из моментов: каждый из них может *быть* исключительно *как другой*. Так или иначе, мы говорим о взаимной вариативности моментов.

Помимо логики, психология также со своих позиций выделяет оппозицию семантики и смысла в изучаемых ею речевых репрезентациях мыслительных форм. Психология разрабатывает деятельностный подход к проблеме. Последнее означает, что внутренний механизм работы мысли берется в развитии: либо как речевой феномен, либо как исторический эволюционный процесс. И там, и там критерием является переход от одного момента к другому, который является показателем растущего совершенства мысли – будь то в акте коммуникативного становления или в эволюционной исторической перспективе.

² Так, Р.В. Павилёнис, говоря о связи референтного языка (языка-объекта) и языка смыслового описания (метаязыка) в содержательной структуре мысли, использует термин «перевод»: истинность одного момента раскрывается через другой [Павилёнис, с. 50]. Причем данную трактовку он считает фундаментальной: «Речь идет не о том, чтобы дать определение истинности на основе понятия „перевод“, а о том, чтобы построить такую теорию истины, которая служит решению вопросов перевода с одного языка на другой» [Там же, с. 53].

А. А. Потебня понимал смысл как весьма эффективный механизм «сокращения мысли», иллюстрируя это на примере метафор и других тропов, способных, по его словам, «...замещать массу разнообразных мыслей относительно небольшими умственными величинами» [Потебня, с. 100]. Аналогичный механизм семиотического сокращения Л. С. Выготский выделял в знаке, в речевых знаковых формах [Выготский]. Только для него это был обратный процесс: не от значения к смыслу (вектор осмысления), а от смысла к значению (вектор вербализации). Исследуя эволюцию функций сознания, он говорил об эффекте «свернутой формы», понимая под этим способность человека в своем мыслительном развитии закреплять обозначение сложных содержательных комплексов, многоступенчатых мыслительных операций за простыми знаками, в конечном счете, за словом, термином³. Так или иначе, в речевом знаке происходит *встречная* концентрация мысли: не только от значения к смыслу, но и от смысла к значению. Мысль получает определенность в каждом из своих аспектов. В ней доминирует результат, то есть идентифицирующее начало: как в предметном аспекте, так и в смысловом.

Вместе с тем, всякое «сокращение мысли», которое осуществляется в знаковой форме, требует сохранения обратной связи с первичным образом. «Свертывание» мысли опирается на потенциал ее внутреннего «развертывания», которое из потенциального может стать реальным. Метафора (ложное имя объекта) раскрывается через прямое значение (истинное имя объекта) или через сложную предметную наррацию. Термин раскрывается через дефиницию. Анекдот, загадка, пословица или любой другой образ также раскрываются описательно. Предметная «разгадка» образа представляет собой как бы «возвращение в *этот* мир», в мир реальных отношений, «без приукрас». При этом, правда, отсекается прагматическая функция эмоционального воздействия. Содержание перестает воздействовать, но зато исчерпывающим образом эксплицируется через прямое обозначение или через наррацию. Анекдот, как известно, «умирает» в попытке объяснить его.

Впрочем, смысловую «смерть» анекдота, которая возникает при его нарративной экспликации, не следует понимать исключительно контр-

³ Непосредственная эйдетическая техника запоминания сменяется опосредованной знаковой формой. Внешняя картина мира интериоризируется, превращается в образ, который ассоциативно закрепляется за знаковой формой [Выготский, с. 65–70].

продуктивно. Предметная анатомия образа служит инструментом его внутренней истинностной верификации. Проверяя себя, мысль «оборачивается назад»: от единого ко множому, от конечно-го к бесконечному, от определенного к неопределенному, от инвариантного к вариативному... В этом «повороте» мысль как будто теряет на какой-то момент свою устойчивость, но при этом обретает пространство и перспективу дальнейшего развития, открывая интерпретационное начало в себе. Любой интерпретационный поворот мысли является лишь временным. После временного распада мысль тут же стремится к синтезу, к новой относительной определенности в каждом из моментов. Идентификация (устойчивое начало, результат понимания) и интерпретация (подвижное начало, процесс понимания) в речевом знаке противостоят друг другу. Но в этом взаимном противостоянии они тесно связаны и поддерживают друг друга. Взаимная истинностная верификация предметного и смыслового в речевом знаке отражает адекватность двух аспектов понимания друг другу. Понимание всегда бинарно. Х.-Г. Гадамер называет постоянную смену одним аспектом понимания другого в сознании человека термином «герменевтический круг» [Гадамер, с. 452].

Интенциональный подход меняет методологию истинностной верификации логических выражений. Применяемая при экстенциональном подходе истинностная верификация является внешней, эмпирической. Ее можно также назвать одномерной, поскольку она применима к предметной семантике языковых выражений и не затрагивает смысла. Истина выражения проверяется путем сравнительного соотнесения предметного содержания с положением дел во внешней реальности: критерием служит «похожесть» семантики выражения на то, что является ее прототипом во внешней реальности. Так, если мне нужно обозначить стоящий передо мной стол, я говорю «стол»; если нужно проверить истинность выражения «*Дерево растет у окна*», нужно просто посмотреть в окно и увидеть, растет там дерево или нет. Подобная верификация мыслится как абсолютная. Отметим, что подобная одномерная верификация неинтерпретативна. Референция, которая отсылает нас к внешней реальности, служит лишь идентификации последней и не получает смыслового статуса.

Интенциональная истинностная верификация, которую мы наблюдаем в речевом знаке, может быть названа внутренней. Она является относительной и взаимной: истинность семантики проверяется через смысл, истинность смысла – через семантику. Связь каждого из моментов с внеш-

ней реальностью (и, значит, его истинностная проверка) проходит через противоположный момент. При этом как первая, так и вторая верификация представляет собой переход от одного ко множому, от тождественного к различному: смысл истинностно верифицируется через семантическое множество, семантика верифицируется через дальнейшее смысловое расширение. Таким образом, истинностная верификация в речевом знаке совпадает с его интерпретационным развитием. Такая верификация выражает соответствие семантики смыслу, а смысла – семантике. Ее критерием и результатом является адекватность двух моментов друг другу, фиксирующая их относительное содержательное равновесие, их взаимное тождество в речевом знаке. Говорящего и слушающего всегда волнует вопрос внутренней содержательной адекватности в речевом знаке: в достаточной ли мере данная семантика раскрывает заданный смысл? В полной ли мере я понимаю смысл представленного мне предметного обозначения?

Интенциональную истинностную верификацию в речевом знаке следует трактовать также как *метафункциональную*. В ней встречаются разные миры: мир семантики и мир смысла, мир предметный и мир прагматический, мир объективной обозначаемой реальности и мир личностной когнитивной и коммуникативной интенции. Один мир раскрывается в зеркале другого, и другого пути показать себя, проявить себя как реальность в речевом знаке у него нет. Между моментами возникает ситуация перевода – декодирования истинностного значения одного момента через другой. В каждом из моментов достигается необходимая конечность и определенность мысли. И в каждом из них имплицитно путем обратной связи с противоположным моментом внутренняя разделенность на компоненты, внутренняя декодирующая и эксплицирующая его анатомия.

Переход от единого ко множому создает асимметрию в речевом знаке. Выделяя и рассматривая знаковую асимметрию как факт, мы не должны оставаться на уровне пассивной констатации. Асимметрия должна рассматриваться не как нечто готовое или предзаданное, а как нечто возникающее или создаваемое субъектом, то есть деятельностно, как процесс нарушения субъектом внутреннего баланса между семантикой и смыслом в знаке с целью создания эффекта коммуникативного воздействия. Этот переход является интерпретационным. Тождество декодируется через различие.

Учитывая бинарный характер отношения семантики и смысла, мы выделяем два вектора

внутренней интерпретационной переходности в речевом знаке: 1) от предметной семантики к смыслу или 2) от смысла к предметной семантике.

Изначально асимметрия порождается коммуникативной природой знака. Она – продукт коммуникативного противостояния говорящего и адресата в их конкурентной борьбе за смысловое доминирование в речевом знаке. Смысл (подвижное начало) интерпретирует семантику (устойчивое начало). Каждый из общающихся «склоняет» знак в свою сторону. Смысловая каденция речевого знака должна определить его дальнейшее коммуникативное развертывание. Говорящий, предъявляя речевой знак, предлагает некоторый порядок его осмысления, подталкивает адресата в нужном направлении, имея в виду дальнейшее смысловое развитие и понимание знака. Адресат может пойти по смысловому пути, предложенному говорящим, или переосмыслить содержание знака согласно собственному взгляду на ситуацию. Коммуникативная интерпретация реактивна. В коммуникативных условиях смысловая ситуационная интерпретация знака остается «за кадром», мы можем судить о ней лишь по ответным репликам общающихся. Наиболее концентрированно смысловая интерпретация раскрывается в вопросно-ответных репликах диалога. Например: 1. У тебя есть деньги? – *У меня с собой 2000 рублей* (нейтральный ответ). 2а. У тебя есть деньги? – *Тебе нужно добавить на покупку...?* (ответ по смыслу с опорой на ближайший мотив); 2б. У тебя есть деньги? – *Не беспокойся, я за себя заплачу сам* (ответ по смыслу с опорой на ближайший мотив); 3а. У тебя есть деньги? – *Опять ты просишь денег!* (ответ по смыслу с указанием на удаленный мотив); 3б. У тебя есть деньги? – *Ты все время напоминаешь, что у меня нет денег, что я мало зарабатываю!* (ответ по смыслу с указанием на удаленный мотив) и т. д. В каждом из примеров по ответным репликам адресата мы понимаем, как тот по смыслу интерпретирует обращенный к нему вопрос, расширяя ситуационное поле его понимания. Адресат осмысливает или переосмысливает обращенный к нему вопрос, помещая его в тот или иной ситуационный контекст. Говорящий может даже не догадываться, что в той или иной ситуации может значить его вопрос: 4. У тебя есть деньги? – *Только не надо ко мне обращаться на «ты», я тебе не мальчишка!* В приведенных примерах каждая реплика показывает, от какого смысла отталкивается адресат, отвечая на вопрос говорящего. Смысл, расширяющий ситуационное понимание речевого знака, есть его истинностное значение.

Обратим внимание, смысловая интерпретация, «внутренний рычаг» коммуникации, открывается через дальнейшее контекстное развитие речевого знака, в пункте поворота мысли, в пункте перехода от высказывания к высказыванию. Смысл эксплицируется контекстом.

В переводе коммуникативная смысловая асимметрия знака представлена в снятом виде. Интерпретация, внутренняя истинностная проверка в знаке, получает обратную направленность и представляет собой переход от смысла к значению. «Интерпретатором» становится не смысл, а значение. Истина смысла в переводе открывается через его предметную верификацию в аспекте ПЯ, то есть через референцию. Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне называют такую операцию в переводе эксплицитацией [Vinay, Darbelnet, с. 8]. Мы видим в эксплицитации не просто прием, но универсальную функцию перевода. Именно в переводе часто возникают ситуации, когда сохранение предметной семантики приводит к искажению смысла, и переводчик вынужден менять семантику, состав и порядок предметных обозначений, чтобы сохранить смысл. Собственно, в этом мы и видим главный «секрет» интерпретации в переводе. В переводе вариативна семантика, инвариантен смысл. Всякая трансформация в переводе представляет собой изменение опоры на референцию в речевом знаке. Интерпретация в переводе не остается «за кадром», как в условиях обычной коммуникации, переводческая интерпретация входит «в кадр», раскрывает себя эксплицитно, через семантику речевого знака, реализуемую средствами ПЯ. Интерпретация в переводе представлена трансформацией. В переводе ПЯ и ИЯ сближаются по смыслу, но при этом между ними не может быть никакого семантического и / или грамматического сближения, то есть сближения в принципах их референциальной работы в речевом знаке.

Характерный для перевода интерпретационный переход от смысла к семантике наиболее ярко раскрывается при необходимости осуществить эквивалентную передачу средствами ПЯ емких по смыслу словесных обозначений. К таким обозначениям мы относим ИЯ-номинации, обладающие повышенной смысловой нагрузкой, не имеющие прямых семантических соответствий в ПЯ и требующие эксплицитной референциальной расшифровки. Это могут быть абстрактные, образные или неполные обозначения. За такими номинациями обычно стоит сложная ситуация описания. Рассмотрим примеры:

Mr. Holbrooke's (1) message to (2) *the UN* and, more important, to its member governments will be a simple one: this is (3) the best deal you will get. (4) The chances are that (5) most of the govern-

ments] will go along. (6) *Several senior diplomats* (7) *contrast* their frustration (8) *with America at the UN* with (9) *the good bilateral relation their governments have with Washington*. In the end it will be (10) *those bilateral relations* that (11) *matter most*. And that, like virtually everything else this week, will show how weak (12) *multilateralism*, and the United Nations, really are [The Economist, November 20th-26th, 1999]. – (1) *Мысль, которую г-н Холбрук хочет довести до* (2) *Генеральной Ассамблеи* ООН и, самое главное, до правительств стран-членов ООН, проста: это – (3) *самое большее, на что вы можете рассчитывать*. (4) *Все говорит за то, что* (5) *большинство стран* вынуждены будут согласиться. [Дело в том], что недовольство (6) *ряда высокопоставленных дипломатов /из некоторых стран/* (8) *действиями* США в ООН (7) *спокойно уживается* (9) *с позицией* их правительств, поддерживающих прекрасные отношения с Вашингтоном. В конце концов, именно (10) *этот фактор* (11) *будет иметь решающее значение*, что, в свою очередь, еще раз покажет, насколько мало реальное (12) *влияние* *международного сообщества* и, в частности, ООН (здесь и далее перевод наш – Н. И.)⁴.

Перевод элементов (2), (6), (8) и (9) требует компенсации: (2) «... to the UN» – «... к [Генеральной Ассамблеи] ООН», (6) «several senior diplomats» – «ряд высокопоставленных дипломатов [из некоторых стран]», (8) «frustration with America at the UN» – «недовольство [действиями] США в ООН», (9) «... with the good bilateral relation their governments have with Washington» – «... [с позицией] их правительств, поддерживающих прекрасные отношения с Вашингтоном» (в последнем случае происходит также перестройка грамматической структуры). Все эти компенсации носят уточняющий характер и имеют цель – упростить понимание описываемой ситуации.

Радикальная смена референта происходит при переводе номинаций (1), (3), (4), (5), (7), (10), (11), (12). Элемент (1) *message* переводится как «мысль»; буквальный перевод этого элемента («послание»*) звучит возвышенно, что не отвечает смысловой нагрузке оригинала (кроме того, мы не знаем, в какой форме Холбрук доводит

свою мысль до своих политических адресатов). Номинация (3) *the best deal* несет стилистическую и образную функцию (буквальный вариант «лучшая сделка», которую вы можете заключить» не подходит, речь идет о высокой задолженности США перед ООН, никто никаких соглашений по этому вопросу не подписывает: размеры взносов каждой страны в ООН давно определены). Элемент (4) *the chances are* допускает другие варианты перевода («похоже, что», «скорее всего», «весьма вероятно, что» и т. д.). При переводе элемента (5) *most of the governments* лучше вместо «большинство правительств»* использовать эквивалент «большинство стран», учитывая, что все это происходит на площадке ООН. Элемент (7) *contrast* представляет большую сложность для перевода; переводчик подбирает антонимический эквивалент: (7) *спокойно уживается*; видимо, можно представить себе вариант более близкого по семантике перевода («/ их / недовольство действиями США в ООН [не очень согласуется]* с хорошими отношениями, которые их правительства поддерживают с Вашингтоном»); однако буквальный вариант не дает понять, что то и другое отношение уживаются в сознании одного человека. Элемент (10) *those bilateral relations* переводчик, избегая повтора, переводит как «этот фактор», формально референт здесь не меняется. Элемент (11) *matter most* переводчик раскрывает по ситуации (11) *будет иметь решающее значение*, заменяя грамматику настоящего времени на будущее. При переводе элемента (12) *multilateralism*, нужно подумать, какой референт за этим словом стоит; буквальный перевод звучит неудовлетворительно («насколько слаб мультилатерализм* и, в частности, ООН»); «мультилатерализм» – ооновский эвфемизм – термин, малопонятный русскому читателю, означающий систему отношений между странами мира; переводчик меняет референт и вместе с ним семантику номинации от функции к носителю функции: «международное сообщество»; к этому элементу добавляется компенсирующее добавление: «[влияние] международного сообщества».

Рассмотрим еще один характерный переводческий пример, в котором формально не происходит смены или изменения референциальной опоры при переходе от исходного к переводному высказыванию. Семантическая замена здесь обусловлена невозможностью сохранить ту же образную смысловую функцию словесного обозначения:

President Vladimir Putin flies to New Delhi on Monday at the start of a three-day visit, which the

⁴ В примере соотносительные эквиваленты в ИТ и ПТ обозначены цифрами. Те номинации в ПТ, в которых происходит радикальная смена семантики и стоящего за семантикой референта, выделены рамкой и курсивом. Компенсирующие референциальные добавления в составе эквивалентов в ПТ даны в квадратных скобках и выделены курсивом и подчеркиванием.

Kremlin hopes (1) *will boost* (2) *so far slumbering* Russian-Indian defense cooperation [International Herald Tribune, February 2nd 2002]. – ‘В понедельник президент Владимир Путин вылетает в Нью-Дели с трех-дневным визитом, в ходе которого, как надеется Кремль, ему удастся (1) *дать новый импульс* (2) *в последнее время не столь интенсивным* российско-индийским военным связям.’

Обратим внимание на два элемента с образной семантикой: (1) *will boost* (досл.: *ускорять, давать толчок*) и (2) *slumbering*. (досл.: *спящие, дремлющие*) Переводчик раскрывает значение этих элементов через ситуацию. В традиции переводческого анализа такого рода трансформации принято называть переводом по смыслу. Мы бы назвали это редукцией смысла к референции. В любом случае, в этих трансформациях мы видим интерпретацию смысла через референцию. Для перевода вообще характерна прямая описательная передача образа, в которой мы как раз отмечаем редукцию образности к прагматике.

Рассмотрим следующий пример:

Republicans say [Gingrich] lacks (1) *direction*, negotiating skills and... (2) *a clear message* that can inspire (3) *the faithful*. – ‘Республиканцы считают, что у [Гингрича] нет (1) *четкой линии*, умения вести переговоры и... (2) *ясной идеи*, способной вдохновить (3) *его сторонников*’ [Палажченко, с. 127]

В нем мы видим ряд абстрактных номинаций, смысл которых может быть эксплицирован также путем референциальных преобразований. Переводчик именует как будто другие объекты, связанные с исходными по ситуации: (1) *direction* (досл.: *направление*) – *четкая линия*; (2) *a clear message* (досл.: *послание*) – *ясная идея*; (3) *the faithful* (досл.: *верные люди*) – *сторонники*.

Итак, мы видим, расшифровка смысла в переводе осуществляется через семантику, через референциальный аспект речевого знака. Переводчик стремится всеми средствами сохранить смысл, меняя состав и порядок предметных обозначений. Интерпретация в переводе призвана фактуализировать смысл, показать его как реальность – как здесь и сейчас реализуемую интенцию говорящего.

Интенциональный содержательный анализ на базе оппозиции смысла и референции в речевом знаке показывает свою эффективность при выявлении масштаба и глубины интерпретации в коммуникации и в переводе.

Список литературы

Барбазюк В. Ю. Смысловое развитие метафоры в текстах различных жанров: семиотический и синергетический аспекты интерпретации: дис. ... канд. филол. наук, М., 2013. 180 с.

Выготский Л. С. Орудие и знак в развитии ребенка. // Собр. Соч. Т. 6. М.: Педагогика, 1984, С. 5–90.

Гадамер Х.-Г. Истина и Метод. (основы философской герменевтики). М.: Прогресс, 1988, 740 с.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд. ин. лит-ры, 1960, С. 264–389.

Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. Изд. 2-е доп. М.: ЛКИ, 2007, 176 с.

Павилёнис Р. В. Проблема смысла. М.: Мысль, 1983, 286 с.

Палажченко П. Р. Несистематический словарь трудностей, тонкостей и премудростей английского языка в сопоставлении с русским. М.: Валент, 1999, 236 с.

Потебня А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. // Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990, С. 55–131.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997, 824 с.

International Herald Tribune, February 2nd, 2002.

The Economist, November 20th-26th, 1999.

Vinay, J.-P., Darbelnet, J. Comparative Stylistics of French and English, trans. and ed. by Juan C. Sager and M.-J. Hamel. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, 1995, 342 p.

References

Barbaziuk, V. Yu. (2013). *Smyslovoe razvitie metafor v tekstah razlichnykh zhanrov: semioticheskie i sinergeticheskie aspekty interpretatsii*: dis... kand. filol. nauk [Cognitive Evolution of Metaphor in Texts of Different Genres (Semiotic and Synergetic Aspects of Interpretation): Ph.D. Thesis]. Moscow. 180 p. (In Russian)

Gadamer, H.-G. (1988). *Istina i Metod (osnovy filosofskoi germenoviki)* [The Truth and the Method (Fundamentals of Philosophical Hermeneutics)]. 740 p. Moscow, Progress. (In Russian)

El'msl'ev, L. (1960). *Prolegomeny k teorii iazyka* [Prolegomena to the Theory of Language]. *Novoe v lingvistike*. Vyp. 1. Pp. 264–389. Moscow, izd. in. lit-ry. (In Russian)

International Herald Tribune (2002). February 2nd. (In English)

Komissarov, V. N. (2007). *Lingvistika perevoda* [Linguistics of Translation]. 176 p. Izd. 2-e dop. Moscow, LKI. (In Russian)

Pavilionis, R. V. (1983). *Problema smysla* [The Problem of Sense]. 286 p. Moscow, Mysl'. (In Russian)

Palazhchenko, P. R. (1999). *Nesistematicheskii slovar' trudnostei, tonkostei i premudrostei angliiskogo iazyka v sopostavlenii s russkim* [Non-systematic Vocabulary of Difficulties and Subtleties of English Compared with Russian]. 236 p. Moscow, Valent. (In Russian)

Potebnia, A. A. (1990). *Iz lektsii po teorii slovesnosti. Basnia. Poslovitsa. Pogovorka* [From Lectures on the Theory of Philology. Fables. Proverbs. Sayings]. Potebnia A. A. Teoreticheskaia poetika. Pp. 55–131. Moscow, Vysshaia shkola. (In Russian)

Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty: slovar' russkoi kul'tury* [Constants of Russian Culture]. 824 p. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

The Economist (1999). November 20th-26th. (In English)

Vinay, J.-P., Darbelnet, J. (1995). *Comparative Stylistics of French and English*, trans. and ed. by Juan C. Sager and M.-J. Hamel. 342 p. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins. (In English)

Vygotskii, L. S. (1984). *Orudie i znak v razvitii rebenka* [Tool and Symbol in Child Development]. *Sobr. soch.* T. 6, pp. 5–90. Moscow, Pedagogika. (In Russian)

The article was submitted on 14.11.2018

Поступила в редакцию 14.11.2018

Иванов Николай Викторович,
доктор филологических наук,
профессор,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России,
119454, Россия, Москва,
пр. Вернадского, 76.
e-nickma@mail.ru

Ivanov Nicolay Viktorovitch,
Doctor of Philology,
Professor,
Moscow State Institute of International
Relations (University) of Foreign Ministry of
Russia,
76 Vernadskogo Pr.,
Moscow, 119454, Russian Federation.
e-nickma@mail.ru